

ПОНЯТИЕ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ В ПРОЦЕДУРЕ БАНКРОТСТВА

А.В. Михневич, канд. юр. наук, доцент

А.Н. Оселедко, магистрант

**Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
(Россия, г. Краснодар)**

DOI: 10.24411/2500-1000-2018-10136

Аннотация. В статье подробно рассматривается вопрос понятия контролирующих должника лиц. Рассмотрев нормы главы III.2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» о понятии лиц, контролирующих должника, автор останавливается на признаках контролирующего должника лица, анализирует судебную практику о привлечении таких лиц, к субсидиарной ответственности, в том числе практику, сложившуюся до вступления в силу новых правил о привлечении к субсидиарной ответственности. Также, автор рассматривает установленные законом о банкротстве опровержимые презумпции наличия у лица статуса контролирующего, в частности анализируются (путем сравнения) позиции Федеральной налоговой службы и Верховного суда о применении презумпции, установленной в п. 3 ч. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве (презумпции выгоды). Кроме того, в статье подробно рассмотрена сложившаяся судебная практика применения главы III.2 Закона о банкротстве во времени, согласно которой одни арбитражные суды применяют главу III.2 Закона о банкротстве ко всем заявлениям о привлечении к субсидиарной ответственности поданным после 01.07.2017 года, в то время как другие арбитражные суды ставят применение новых правил в зависимость от момента возникновения обстоятельств, по которым лицо привлекается к субсидиарной ответственности.

Ключевые слова: Закон о банкротстве, субсидиарная ответственность, контролирующее должника лицо, презумпции наличие статуса контролирующего лица.

Федеральным законом № 266-ФЗ от 29.07.2017 года [1] в Закон о банкротстве [2] добавлена новая глава Глава III.2., регулирующая особенности ответственности руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве.

Возможность привлечение лиц контролирующих должника к субсидиарной ответственности была предусмотрена законом о банкротстве практически с момента его принятия в 2002 году. Однако на протяжении долгого периода времени данные нормы закона о банкротстве фактически оставались нерабочими.

Арбитражные суды, как правило, формально подходили к определению лиц контролирующих должника, предпочитая следовать букве, а не духу закона. Подобный подход привел к тому, что недобросовестные участники

гражданского оборота стали активно использовать формальный документооборот, фиксируя на бумаге несуществующие гражданские отношения с целью ухода от долгов. Широкое распространение получила схема ведения бизнеса, при которой прибыль и все ликвидные активы концентрировались в одной компании, а все долги в другой, которая со временем признавалась банкротом, ликвидировались, а долги списывались.

Со временем суды, под влиянием постановлений президиума ВАС РФ, и определений Коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ, отошли от формального подхода в оценке доказательств и больше внимания стали уделять существу экономических отношений, их целесообразности, разумности поведения сторон и т. д.

Появление в законе о банкротстве главы III.2., стало важным этапом развития института субсидиарной ответственности в банкротстве, поскольку на законодательном уровне были обобщены и закреплены, наметившиеся ранее в судебной практике тенденции к ужесточению правил о привлечении к субсидиарной ответственности. Безусловно принятые изменения можно без преувеличения признать революционными.

В настоящей статье мы подробно остановимся на понятии контролирующего должника лиц.

Понятие и основные признаки контролирующего должника лица

Ранее понятие контролирующего должника лиц определялось в абзаце 34 ст. 2 Закона о банкротстве (утратил силу) и по сравнению с новой ст. 61.10 основные признаки КДЛ не изменились.

В соответствии с ч. 1 ст. 61.10 Закона о банкротстве контролирующим должника лицом (КДЛ) признается лицо (как физическое, так и юридическое) имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий.

Частью 2 ст. 61.10 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» установлен перечень признаков, по которым суды могут установить наличие у лица статуса контролирующего.

1. В силу нахождения с должником (руководителем или членами органов управления должника) в отношениях родства или свойства, должностного положения;

2. В силу наличия полномочий совершать сделки от имени должника, основанных на доверенности, нормативном правовом акте либо ином специальном полномочии;

3. В силу должностного положения (в частности, замещения должности главного бухгалтера, финансового директора должника либо лиц, имеющих право самостоятельно распоряжаться более 50% акций акционерного общества, либо более половиной уставного капитала общества с ограниченной ответственностью и т.д.);

4. Иным образом, в том числе путем принуждения руководителя или членов органов управления должника либо оказания определяющего влияния на руководителя или членов органов управления должника.

Исходя из буквального толкования данной нормы Закона о банкротстве следует, что контролирующим может быть признано практически любое должностное лицо, входящее органы управления должника (бухгалтер, финансовый директор), или лицо имеющее полномочие (например, переданные на основании доверенности) на совершение сделок от имени должника, или даже на основании нахождения с руководителем или членами органов управления должника в неформальных отношениях (родства, свойства и т.д.).

Еще более широко указанные нормы толкует Федеральная налоговая служба. Так в письме ФНС от 16.08.2017 года № СА-4-18/16148@ [3], указывается, что основаниями для признания лица контролирующим могут послужить любые неформальные личные отношения в частности совместное проживание (состояние в гражданском браке), длительная совместная служебная деятельность (военная или гражданская служба), совместное обучение и т. д.

Впрочем, Верховный суд придерживается несколько иного подхода к определению контролирующих должника лиц.

Согласно абз. 2 п. 3 Постановление Пленума ВС РФ № 53 от 21.12.2017 года [4], суд, привлекая лицо к субсидиарной ответственности, должен установить степень вовлеченности такого лица в процесс управления должником и проверить насколько значительным было его влияние на

принятие существенных деловых решений относительно деятельности должника.

Кроме того, Верховный суд особо указывает на то, что лицо не может быть признано контролирующим должника только на том основании, что оно состояло в отношениях родства или свойства с членами органов должника, либо ему были переданы полномочия на совершение от имени должника отдельных ординарных сделок, в том числе в рамках обычной хозяйственной деятельности, либо оно замещало должности главного бухгалтера, финансового директора должника (абз. 3 п. 3 Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 года № 53).

Таким образом, Верховный суд установил более высокий стандарт доказывания для признания лиц (бухгалтера, финансового директора, иных членов органов управления должника, а также их родственников), лицами, контролирующими должника.

Стоит также отметить, что в данном случае Верховный суд поддержал, сложившуюся судебную практику, которая практически исключает возможность привлечения указанных лиц к субсидиарной ответственности по долгам организации банкрота.

Так, в ряде дел арбитражные суды не установили наличие вины главного бухгалтера в не передачи документации должника конкурсному управляющему: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 3 мая 2017 г. № Ф06-4484/2011 по делу № А12-6368/2010 [7]; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27 декабря 2016 г. № Ф04-495/2016 [8]; Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 22 июля 2016 г. № Ф10-3208/2013 по делу № А23-3613/2013 [9].

В других случаях судом было установлено отсутствие у лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности, наличия статуса контролирующих.

Например, Двадцатый арбитражный апелляционный суд в Постановлении № 20АП-1533/2016 от 21.04.2016 года по делу № А23-3613/2012 [10] указал, что поскольку в п. 5 ст. 10 Закона о банкротстве

прямо указано на то, что к субсидиарной ответственности по предусмотренному в данной норме основанию привлекается руководитель должника, а главный бухгалтер как субъект ответственности здесь не поименован, соответственно главный бухгалтер к субсидиарной ответственности привлечен быть не может. Аналогичная позиция изложена в постановлениях Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 20 марта 2017 г. № Ф08-1156/2017 по делу № А32-11222/2014 [11], и Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16 июня 2017 г. № Ф04-25898/2015 по делу № А27-2502/2014 [12].

Безусловно, ныне утратившая действие, ст. 10 Закона о банкротстве не предполагала возможность привлечения главного бухгалтера, финансового директора, иных лиц, к субсидиарной ответственности по долгам организации банкрота.

Закон о банкротстве в его действующей редакции такую возможность допускает, однако с учетом разъяснения верховного суда, для привлечения указанных лиц к субсидиарной ответственности заявителю необходимо будет доказать наличие у них возможности давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, а его влияние на хозяйственную деятельность должника было значительным. Очевидно, что доказывание приведенных обстоятельств без сомнения вызовет значительные затруднения.

По нашему мнению, позиция Верховного суда является более взвешенной (по сравнению с позицией ФНС РФ), поскольку она исключает применение судами, формального подхода, когда лица будут признаваться контролирующими по признакам участия в органах юридического лица или состояния в отношениях родства (свойства) с контролирующим должника лицом.

Опровержимые презумпции контролирующего должника лица

Пунктом 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве установлены три опровержимые презумпции, которые облегчают доказывание наличия у лица статуса контролирующего

(то есть отсутствие статуса контролирующего лица будет вынужден доказывать сам субсидиарный ответчик).

Законодатель установил следующие опровержимые презумпции наличия у лица статуса контролирующего:

1. Лицо являлось руководителем должника или управляющей организации должника, членом исполнительного органа должника, ликвидатором должника, членом ликвидационной комиссии.

2. Лицо имело право самостоятельно либо совместно с заинтересованными лицами распоряжаться пятьюдесятью и более процентами голосующих акций акционерного общества, или более чем половиной долей уставного капитала общества с ограниченной ответственностью либо имело право назначать (избирать) руководителя должника.

3. Лицо извлекало выгоду из незаконного или недобросовестного поведения лиц, указанных в пункте 1 статьи 53.1 ГК РФ (лица уполномоченного выступать от имени организации).

В п. 5 Постановления от 21.12.2017 года № 53, Верховный суд указывает, что в таких случаях бремя доказывания отсутствия, у лица статуса контролирующего перекладывается на лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности.

Отдельно следует остановиться на презумпции выгоды, установленной п. 3 ч. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве.

Данная презумпция подробно рассмотрена в письме ФНС «О применении налоговыми органами главы III.2. Закона о банкротстве» [3].

Итак, согласно позиции налогового органа презумпция выгоды содержит два юридических факта: факт основание и факт предположение. При этом, для того чтобы доказать факт предположение (наличие статуса КДЛ) достаточно установить факт основание (получение выгоды).

Налоговый орган, для целей применения презумпции выгоды, предлагает определять понятие выгоды путем противопоставления из понятия вреда, установленно в ст. 1064 ГК РФ.

В частности, согласно определению Верховного суда РФ от 27.01.2015 года

№81-КГ14-19 [6] под вредом понимается всякое уменьшение (умаление) охраняемого закон материального или нематериального блага, любые неблагоприятные изменения в охраняемом законом благо, которые могут носить как имущественный, так и не имущественный характер.

Денежным выражением вреда являются убытки. В соответствии со ст. 15 ГК РФ под убытками понимаются расходы, которые лицо произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права. В убытки входит реальный ущерб (сумма утраченного или поврежденного имущества), а также упущенная выгода, то есть не полученный доход, который лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота.

Соответственно исходя из того, что вред и выгода противопоставляются (выгоду, контролирующее лицо, получает путем нанесения вреда другому лицу), то под выгодой следует понимать всякое увеличение материального или нематериального блага, которое может носить как имущественный, так и не имущественный характер.

В свою очередь денежное выражение выгоды будет иметь противоположный убыткам характер. Следовательно, под денежным выражением выгоды следует понимать доходы и обретение чужого имущества, которые лицо, получило (или должно было получить), воспользовавшись нарушением прав должника и его кредиторов. Также, к денежному выражению выгоды стоит отнести доходы, которые лицо не могло бы получить при обычных условиях гражданского оборота.

В качестве примера недобросовестного получения выгоды налоговая служба приводит такую корпоративную бизнес-модель, когда бизнес подразделяется на рисковые (центры убытков) и без рисковые (центры прибылей) части, позволяющие в случае проблем с оплатой поставщиками или бюджету, поменять рисковую часть (обанкротив предыдущую) и продолжить ведение предпринимательской деятельности, не утрачивая активов.

Верховный суд в абз.3 п. 7 Постановления Пленума от 21.12.2017 года приводит

дополнительный пример для определения лиц, недобросовестно извлекающих выгоду.

В частности, контролирующим является третье лицо, которое получило существенный актив должника (в том числе по цепочке последовательных сделок), выбывший из владения должника в результате совершения руководителем последней сделки в ущерб интересам возглавляемой организации и ее кредиторов.

В качестве примеров Пленум Верховного суда приводит следующие ситуации:

– Совершение сделки на заведомо невыгодных для должника условиях;

– Совершение сделки с «фирмой однодневкой»;

– Использование документооборота, не отражающего реальные хозяйственные операции;

Лицу, привлекаемому к субсидиарной ответственности по данному основанию необходимо будет доказать свою добросовестность, подтвердив:

а) возмездность совершенной сделки;

б) условия отчуждения актива должника были аналогичны тем, на которых в сравнимых обстоятельствах обычно совершаются аналогичные сделки.

Таким образом, в отношении данной презумпции законодатель также перекладывает бремя доказывания на лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности.

На наш взгляд, подобное решение вполне оправдано, поскольку, как правило, у членов органов управления организации должника и иных контролирующих лиц, отсутствует заинтересованность в раскрытии документов, отражающих реальное положение дел и действительный документооборот на предприятии банкротства, однако вместе с тем данное обстоятельство не должно снижать общий уровень правовой защищенности кредиторов. Именно на преодоление указанного препятствия, по нашему мнению, и направлено введение в законодательство о банкротстве указанных выше презумпций.

При всей универсальности и прогрессивности приведенного пункта постановления, не совсем корректной видится следующая формулировка: «в результате со-

вершения руководителем должника сделки в ущерб интересам возглавляемой организации и ее кредиторов».

Исходя из буквального толкования указанного пункта следует, что признать выгодоприобретателя по сделке контролирующим лицом можно только в случае, если актив должника был отчужден на основании сделки, совершенной руководителем должника. Между тем, сделки от имени организации могут совершаться и иными лицами (например: коммерческим директором, руководителем отдела, менеджером и т.д.) при условии, что указанные лица имеют доверенность на совершение подобных сделок. В таком случае остается надеяться, что суды не будут формально подходить к трактовке разъяснений, содержащихся в постановлении пленума, и будут трактовать указанную норму расширительно.

Кроме того, Верховный суд отдельно указал на то, что по данному основанию контролирующим может быть признано лицо, извлекающее существенную (относительно масштабов деятельности должника) выгоду.

При этом в постановлении Пленума не устанавливается, что понимается под существенной выгодой, каков ее размер, не указываются критерии, на которые суды должны ориентироваться при определении существенности или несущественности выгоды, полученной по сделке (цепочке из нескольких сделок).

Как видится, отсутствие критериев определения существенности полученной выгоды является значительным упущением данного постановления, которое может в дальнейшем отрицательно сказаться на формировании судебной практики по привлечению к субсидиарной ответственности лиц, извлекающих выгоду из незаконного или недобросовестного поведения органов управления предприятия должника.

Практика применения судами главы III.2. ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» во времени

Согласно п. 3 ст. 4 Федерального закона от 29.07.2017 N 266-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" и Кодекс Рос-

сийской Федерации об административных правонарушениях" [1] рассмотрение заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности, предусмотренной статьей 10 Федерального закона от 26 октября 2002 года N 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" (в редакции, действовавшей до дня вступления в силу настоящего Федерального закона), которые поданы с 1 июля 2017 года, производится по правилам Федерального закона от 26 октября 2002 года N 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" (в редакции настоящего Федерального закона).

Таким образом, исходя из буквального толкования данной нормы следует, что все заявления о привлечении к субсидиарной ответственности, поданные после 01.07.2017 года (в том числе заявления по делам о банкротстве, возбужденным до указанной даты) подлежат рассмотрению по правилам Главы III.2. Закона о банкротстве.

В постановлении Пленума ВС РФ № 53 от 21.12.2017 года [4] данный вопрос также остался не урегулированным.

Между тем, единообразная практика по данному вопросу на сегодняшний день отсутствует. В целом можно выделить два подхода применяемых судами:

1. Применение новых норм о привлечении к субсидиарной ответственности ставится в зависимость от того когда имели место обстоятельства, послужившие основанием для привлечения контролирующего должника лиц к субсидиарной ответственности.

В обоснование приведенной правовой позиции суды ссылаются на Информационного письма Президиума ВАС РФ от 27.04.2010 №137 «О некоторых вопросах, связанных с переходными положениями Федерального закона от 28.04.2009 №73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5]. Согласно правовой позиции изложенной в указанном информационном письме положения обновленного законодательства о субсидиарной ответственности соответствующих лиц по обязательствам должника применяются, если обстоятельства, являющиеся основанием для их

привлечения к такой ответственности (например, дача контролирующим лицом указаний должнику, одобрение контролирующим лицом или совершение им от имени должника сделки), имели место после дня вступления в силу обновленного закона. Если же данные обстоятельства имели место до дня вступления такого закона в силу, то применению подлежат положения о субсидиарной ответственности Закона о банкротстве в редакции, действовавшей до вступления в силу обновленного закона, независимо от даты возбуждения производства по делу о банкротстве: Определение АС Свердловской области от 12.04.2018 года по делу А60-2961/2017 [13]; Определение АС Пензенской области от 07.05.2018 года по делу А49-10894/2015 [14].

Также существует судебная практика, согласно которой наличие оснований субсидиарной ответственности арбитражный суд определяет по редакции закона, действовавшей в момент совершения соответствующего деяния, а процессуальные действия при рассмотрении обособленного спора осуществляет по правилам Главы III.2 Закона о банкротстве: Определение АС города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 04.05.2018 года по делу №А56-85827/2015 [15].

2. Применение новых правил о привлечении к субсидиарной ответственности ставится в зависимость от момента подачи заявления о привлечении к субсидиарной ответственности;

В данном случае суды ссылаются на норму, установленную п. 3 ст. 4 Федерального закона от 29.07.2017 N 266-ФЗ [1] и в случае, если заявление о привлечении к субсидиарной ответственности подано после 01.07.2017 года применяют правила, установленные Главой III.2. Закона о банкротстве: Определение АС Московской области от 11.05.2018 года по делу № А41-66337/2016 [16]; Определение АС Липецкой области от 11.04.2018 года по делу № А36-6470/2016 [17]; Определение АС Волгоградской области от 19.04.2018 года по делу № А12-72353/2016 [18]; Определение АС Самарской области

от 16.04.2018 по делу № А55-20246/2014 [19].

По нашему мнению более взвешенной видится вторая позиция, согласно которой применяемая норма права ставится в зависимость от момента подачи заявления о привлечении к субсидиарной ответственности, а не от момента, когда возникли обстоятельства для такого привлечения.

Кроме того, при применении судами первого подхода остается неясным какие нормы применять в случае, если часть обстоятельств для привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц (например: ответственность за неподачу заявления о банкротстве) возникли до 01.07.2017 года, а часть обстоятельств (например: не передача конкурсному управляющему бухгалтерской и иной документации должника) после указанной даты.

Таким образом, очевидна необходимость дополнительных разъяснений Верховного суда по данному вопросу.

Заключение

Подытоживая все вышесказанное, можно сделать вывод, что новые правила привлечения к субсидиарной ответственности будут способствовать повышению эффективности проведения банкротных процедур и улучшения делового климата в стране, однако следует иметь ввиду, что такое улучшение будет возможно только при условии разумного и взвешенного подхода судов к применению новых правовых норм о субсидиарной ответственности.

В частности позитивно следует оценить позицию Верховного суда [4], согласно которой не допускается признание наличия у лица статуса контролирующего только на основании родства или свойства с членами

органов должника, замещения лицом должностей финансового директора, главного бухгалтера или передачи лицу полномочий на совершение ординарных сделок в рамках обычной хозяйственной деятельности должника. Безусловно в отношении таких лиц судам необходимо устанавливать степень вовлеченности в процессы управления должником и степень их влияния на принятие существенных деловых решений относительно деятельности должника.

К упущениям, указанного постановления пленума Верховного суда [4] следует отнести отсутствие критериев, по которым арбитражные суды должны определять существенность выгоды (относительно масштабов деятельности должника), полученной лицом по сделке (цепочке последовательных сделок) для признания такого лица контролирующим.

Кроме того, нераскрытым в постановлении пленума [4] остался вопрос о применении новых правил о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника, во времени, хотя противоречивость складывающейся на сегодняшний день судебной практики безусловно требует разъяснений Верховного суда по указанному вопросу.

В заключение необходимо отметить важную роль разъяснений Верховного суда РФ, приведенных в постановлении Пленума № 53 от 21.12.2017 года [4], однако особая сложность института субсидиарной ответственности в банкротстве, широкий перечень спорных вопросов и неоднозначность складывающейся судебной практики, требует дальнейших разъяснений Верховного суда по многим вопросам.

Библиографический список

1. *О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 266-ФЗ // Собрание законодательства. – 2017. - № 31, ст. 4815.*
2. *О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 окт. 2002 г. №127-ФЗ // Собрание законодательства. – 2002. - № 43, ст. 4190.*
3. *Письмо ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@ "О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ" {Электронный ресурс} // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 01.08.2018 года).*
4. *Постановление пленума Верховного суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 года № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих*

должника лиц к ответственности при банкротстве» {Электронный ресурс} // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 31.07.2018 года).

5. *Информационное письмо* Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2010 года № 137 «О некоторых вопросах, связанных с переходными положениями Федерального закона от 28.04.2009 № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» {Электронный ресурс} // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 31.07.2018 года).

6. *Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации* от 27 января 2015 года № 81-КГ14-19 {Электронный ресурс} // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 31.07.2018 года).

7. *Постановление Арбитражного суда Поволжского округа* от 03 мая 2017 года № Ф06-4484/2011 по делу № А12-6368/2010 {Электронный ресурс} // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 31.07.2018 года).

8. *Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа* от 27 декабря 2016 г. № Ф04-495/2016 {Электронный ресурс} // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 01.08.2018 года).

9. *Постановление Арбитражного суда Центрального округа* от 22 июля 2016 г. № Ф10-3208/2013 по делу № А23-3613/2013 {Электронный ресурс} // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 01.08.2018 года).

10. *Постановление Двадцатого Арбитражного апелляционного суда* 21 апреля 2016 года № 20АП-1533/2016 по делу № А23-3613/2012 {Электронный ресурс} // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 01.08.2018 года).

11. *Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа* от 20 марта 2017 г. № Ф08-1156/2017 по делу № А32-11222/2014 {Электронный ресурс} // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 01.08.2018 года).

12. *Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа* от 16 июня 2017 г. № Ф04-25898/2015 по делу № А27-2502/2014 {Электронный ресурс} // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 01.08.2018 года).

13. *Определение Арбитражного суда Свердловской области* от 12.04.2018 года по делу № А60-2961/2017 {Электронный ресурс} // Информационная система Банк решений Арбитражных судов. – Режим доступа: URL: <http://ras.arbitr.ru/> (дата обращения 01.08.2018 года).

14. *Определение Арбитражного суда Пензенской области* от 07.05.2018 года по делу № А49-10894/2015 {Электронный ресурс} // Информационная система Банк решений Арбитражных судов. – Режим доступа: URL: <http://ras.arbitr.ru/> (дата обращения 01.08.2018 года).

15. *Определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области* от 04.05.2018 года по делу № А56-85827/2015 {Электронный ресурс} // Информационная система Банк решений Арбитражных судов. – Режим доступа: URL: <http://ras.arbitr.ru/> (дата обращения 01.08.2018 года).

16. *Определение Арбитражного суда Московской области* от 11.05.2018 года по делу № А41-66337/2016 {Электронный ресурс} // Информационная система Банк решений

Арбитражных судов. – Режим доступа: URL: <http://ras.arbitr.ru/> (дата обращения 01.08.2018 года).

17. *Определение Арбитражного суда Липецкой области от 11.04.2018 года по делу № А36-6470/2016 {Электронный ресурс} // Информационная система Банк решений Арбитражных судов.* – Режим доступа: URL: <http://ras.arbitr.ru/> (дата обращения 01.08.2018 года).

18. *Определение Арбитражного суда Волгоградской области от 19.04.2018 года по делу № А12-72353/2016 {Электронный ресурс} // Информационная система Банк решений Арбитражных судов.* – Режим доступа: URL: <http://ras.arbitr.ru/> (дата обращения 01.08.2018 года).

19. *Определение Арбитражного суда Самарской области от 16.04.2018 по делу № А55-20246/2014 {Электронный ресурс} // Информационная система Банк решений Арбитражных судов.* – Режим доступа: URL: <http://ras.arbitr.ru/> (дата обращения 01.08.2018 года).

THE CONCEPT OF DEBTOR CONTROLLING PERSONS IN THE BUNKRUPTCY PROCEEDINGS

A.V. Mikhnevich, *candidate of law, associate professor*

A.N. Oseledko, *graduate student*

Kuban state agrarian university named after I.T. Trubilin
(Russia, Krasnodar)

***Abstract.** In this article the concept of a debtor controlling person is examined in detail. Having considered the norms of chapter III.2 of the Federal Law “Of incapacity (bankruptcy)” about the terms of persons controlling the debtor, the author rests upon the characteristics of a person who controls the debtor, analyzes the cases of bringing them to subsidiary responsibility, including the judicial practice, which had been formed before the new rules of subsidiary liability came into force. The author also examines rebuttable presumptions of person’s status as controlling, in particular, the positions of Federal Tax Service and Supreme Court for implementing the presumption specified in clause 3 part 4 section 61.10 of Bankruptcy Act (presumption of benefit) are analyzed (by method of comparison). Furthermore, the existing judicial practice of implementing chapter III.2 of Bankruptcy Act in time is also observed in detail. According to this practice, some arbitration courts apply chapter III.2 of Bankruptcy Act to all requests for bringing to subsidiary responsibility filed after 01.07.2017, whereas other arbitration courts make the implementation of the new rules dependent on the moment when the circumstances, due to which a person is being brought to subsidiary responsibility, arose.*

Keywords: Bankruptcy Act, subsidiary liability, debtor controlling person.